

Таджикские игры / рассказ

Category: Некаъалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Таджикские игры / рассказ ТАДЖИКСКИЕ ИГРЫ

«Ах, восточные переводы!

Как болит от вас голова!...»

Арсений Тарковский

В ту пору, когда искусство было не только вечно, но и многонационально, позвонил мне приятель из редакции журнала «Памиро-Алай» и спросил, не хочу ли я перевести статью одного известного драматурга о Кайраккумском землетрясении. Драматург был родом из тех мест и сразу после несчастья поехал провести родных. Увиденное так потрясло его, что он написал публицистическую статью.

– А подстрочник готов? – спросил я.

Не знаю, насколько распространена практика работы с подстрочными переводами в других странах. Не исключено, что в других странах все переводчики знают языки, на которых написаны переводимые ими произведения, и подстрочный перевод им не нужен. Но в нашей стране в ту пору, когда искусство было не только многонационально, но и хорошо оплачиваемо, переводчики были готовы переводить с любого языка в диапазоне от абхазского до якутского. Разумеется, они не могли знать все эти языки в совершенстве. Вот тогда-то и приходил на помощь подстрочный перевод.

По заказу редакции какой-нибудь отставной учитель химии из пригородного кишлака садился и за гроши перепирал вдохновенный текст соплеменника на русский язык – строка за строкой. Единственное, в чем он ни в коем случае не должен был ошибиться, так это именно в количестве строк, поскольку подобная ошибка самым жестоким образом сказалась бы на его гонораре.

Понятно, что текст не мог не утратить художественности – даже в том случае, если она в нем изначально присутствовала. Теперь

нужно было поднять высокое искусство из пепла. Именно этим и занимался рифмач-переводчик, руководствуясь, как правило, лишь той бессвязицей, что вышла из-под пера создателя подстрочного перевода, да туманными представлениями о чужой культуре, почерпнутыми в процессе двух или трех застолий.

– Кажется, готов, – уклончиво ответил приятель. – Ты с автором свяжись и выясни.

Я записал телефон.

Автора звали... впрочем, средства русского языка все равно не позволяют точно передать звучание этого имени. В таджикском существует ряд специфических гортанных звуков, обозначаемых на письме прибавлением разнообразных хвостиков к обычным буквам кириллицы. Кроме того, есть слова, в которых после гласной стоит твердый знак. Эта комбинация говорит о том, что гласный следует при произношении не то чтобы удвоить, а как-то так особенно придыхнуть. В имени и фамилии драматурга почти все эти особенности присутствовали в полной мере. Поэтому в самом первом приближении будем звать его Агзам.

– Пасрочник? – с легким акцентом удивился он, когда я задал свой вопрос. – Э-э-э, пасрочник-масрочник! Приходите, сядем поговорим! Что мы с вами по телефону! Будет вам пасрочник-масрочник!..

Я пришел.

Агзам встретил меня в прихожей. Это был худощавый человек лет пятидесяти, рябой, плешивый и несколько скособоченный. Живот у него был расположен до странности низко и выпирал углом.

Смолоду меня поражало, как много уродов в рядах литераторов. Однако уже в те годы я никогда не забывал о возможности трагического несоответствия формы и содержания.

– О-о-о-о! – протягивая руки, запел он сладкую восточную песню, когда я переступил порог. – Как рад, как рад! Столько слышал! Наконец-то!..

Я на сто процентов был уверен, что ни черта он обо мне не слышал. Но обычай есть обычай. Поэтому я тоже протянул руки и стал отвечать, щеголяя итогами двухмесячного ликбеза:

– Шумо чхел? Сихат-саломат? Нагз-ми? Дуруст-ми? Тинч-ми?..

Мы долго жали друг другу ладони, бормоча приветствия и

одновременно мелкими шажочками перемещаясь в сторону комнаты. В комнате уже был накрыт стол. Блестало стекло. Благоухали свежие, только что доставленные с Путовского базара лепешки. Сверкала капельками воды зелень.

– Перевод – высокое искусство! – сказал Агзам, когда мы выпили по первой большой рюмке хоть и хуррамабадской, но холодной водки.

Я согласился, заметив мельком, что высоким искусством можно считать лишь перевод с оригинала. Что же касается перевода с подстрочника... – я смущенно пожал плечами.

– А! Пасрочник-масрочник! – решительно оборвал он меня. – Зачем он нужен, этот пасрочник-масрочник! Перевод с пасрочника – это пацлуй через стекло!.. За литературу!

Мы выпили. На этот раз я закусил мелко нарезанной зеленью с кислым молоком.

– Пасрочник – это профанация литературы! – воскликнул Агзам.

Я кивнул. Мы выпили еще по рюмке, и я рассказал историю о том, как мне в первый раз прислали подстрочники стихотворений.

Имя автора мне ничего не говорило, но я был взволнован – передо мной открывались двери в литературу!

Лично для меня это были единственные двери в литературу – стихов моих редакторы не только не печатали, но даже, сдаётся мне, и не читали. Мудрая моя старенькая бабушка, переживавшая вместе со мной все неудачи моей литературной карьеры, настойчиво рекомендовала писать стихи более жизненные. «Да разве у меня не жизненные? – возражал я. – Разве про любовь – это не жизненно? Разве про смерть – это не жизненно?!» – «Про смерть – жизненно? Не знаю... – сомневалась бабушка. – Ты про хлопок напиши! – наступала она. – Про хлопок – это жизненно! Твой дед хлопок сеял. Вот и напиши про хлопок. Про Рагунскую ГЭС напиши. Напечатают – про любовь принесешь». Что говорить, мне хотелось, чтобы мои стихи печатали, и ради этого я готов был писать хоть о хлопке, хоть о Рагунской ГЭС, хоть о черте, хоть о дьяволе – но почему-то ничего не получалось...

Дверь раскрылась, и напряженно улыбающаяся женщина внесла огромное глубокое блюдо. От блюда валил пар. Это был суп из говядины, айвы, чеснока, нута, рейхана, кинзы, корней петрушки

и картофеля.

– Ну? – спросил Агзам, когда мы еще раз выпили и как следует закусили.

Итак, я получил четыре подстрочника. На первый взгляд они казались совершенно бессвязными. Особенно поразило меня стихотворение, называвшееся «Родина» (остальные вместо заголовков довольствовались звездочками). Оно состояло из трех строф, каждая из которых представляла собой нечто вроде убогого уравнения, изложенного не цифрами, а корявым языком, изобилующим массой грамматических нелепиц. Это уж позже я понял, что подстрочными переводами занимаются, как правило, люди, оба языка знающие понаслышке, а тогда мне это было невдомек.

В первой строфе утверждалось, что тело земли плюс мое тело есть тело родины. Во второй – что если из тела родины вычесть землю, останется мое тело. В третьей было сказано, что если произвести операцию вычитания моего тела из тела родины, итогом явится земля.

Я начал переводить.

Разумеется, я не стал бы ничем таким заниматься, если бы хоть на секунду мог предположить, что автор предложенной мне в подстрочном переводе абракадабры – это поэт во многих отношениях выдающийся, а его стихотворение «Родина» – такое же известное у таджиков произведение, как у нас «В лесу родилась елочка» или «Гори, гори, моя звезда». Но я этого не знал. И мне ничего не оставалось, кроме как взяться за работу.

Она оказалась довольно мучительной. Я просто не мог себе представить, как можно эту дурную арифметику переложить на язык Пушкина. Я черкал страницу за страницей, пытаюсь добиться хоть какого-нибудь сходства и томясь полной невозможностью сделать это...

В конце концов я создал текст, который более или менее удовлетворил мои художнические претензии. Он не имел ничего общего с первоисточником, но был, на мой взгляд, абсолютно прозрачен. «Я по твоей земле хожу, – бормотал я, с удовольствием отмечая, что перевод, если быть до конца честным, оказался лучше оригинала. – Твоих богов молю о

счастье... Твоей шерстинкою запястье... от хвори я перевяжу!..”
Когда сделанное мною вылезло на свет божий, один мой хуррамабадский друг сказал в сердцах:

– Шерстинкой!.. Эх ты, переводчик! Какой шерстинкой?! Ты сам-то посуди – какой шерстинкой?! Таджики – племя арийское, земледельческое. Ну так же нельзя, честное слово! Ты бы хоть поинтересовался чем-нибудь для начала. Шерстинки – это турецкие заморочки, скотоводческие. Все эти шерстинки русским степь подарила – степь! кипчаки!.. А таджики – арийцы!.. земледельцы!.. когда дергается веко, они прикладывают к глазу клочок соломы... Э-э-э-эх ты! Тоже мне – переводчик!..

– Вот! – сказал Агзам, назидательно поднимая указательный палец. – Я же говорю: пастрочник – профанация литературы. Это... – он помедлил, наполняя рюмки, – ...просто ерунда какая-то, эти пастрочники! Зачем они нужны! Совсем не нужны эти пастрочники!
– Ну а с другой-то стороны – куда от них деваться? – возразил я. – Конечно, если человек знает язык в совершенстве – тогда другое дело. Но я-то только начал... Нет, – сказал я, смеясь, – нам с вами, Агзам, без подстрочника никак!

Агзам покачал головой:

– Да ничего, ничего... Зачем он нужен, этот пасрочник! Мы и без пасрочника все переведем.

И он с некоторой поспешностью предложил выпить.

Мне это уже стало надоедать.

– Я что-то не пойму. Вы что, не заказывали подстрочник?

– Да ну! – Агзам преувеличенно беззаботно махнул рукой. – Зачем он нужен, пасрочник-масрочник!

– Так закажите, – предложил я.

– Не успеем, – со вздохом сказал он. – Я в понедельник улетаю в Ташкент. Пока то, пока се, пока туда-сюда, пока закажем, пока переведут... А статья поставлена в пятый номер.

– Ну хорошо, –я в свою очередь вздохнул, прикинув соотношение работы и гонорара. – Давайте оригинал, я сам сделаю подстрочник. Мне хорошо для практики, – добавил я, пытаюсь обнаружить в этой ситуации хоть какой-нибудь плюс. – Ничего, посижу со словарем, переведу. Ну что делать, если в пятый номер!

Агзам пригорюнился.

– Нет ор'гинала, – сказал он, разводя руками. – Я не писал ор'гинал...

Я недоверчиво рассмеялся:

– Да как же без оригинала-то?! Какой же может быть перевод, если нет оригинала?!

– Зачем он нужен, ор'гинал-маргинал! – с напускной беззаботностью отмахнулся Агзам. – Я и так вам все расскажу – отличный перевод получится!..

* * *

Так оно и вышло. Три дня подряд я приходил к нему рано утром, и мы сидели за большой письменный стол. Агзам раскрывал свою записную книжку и, в упор глядя на меня сквозь очки, рассказывал о том, как он приехал в Кайраккум на следующий день после землетрясения. Для начала он без тени улыбки произносил что-нибудь в таком духе: «Страшный удар стихии обрушился на город, полный боевых коммунистов».

– Это что значит, Агзам? – осторожно спрашивал я.

Агзам закрывал блокнот, снимал очки и разъяснял мне, посасывая дужку:

– Понимаете, если бы не коммунисты, страшный удар стихии разрушил бы весь город. Коммунисты приняли на себя удар, и город сохранился. Понимаете?

Честно говоря, у меня ум за разум заходил.

– Понимаю, – говорил я. – Скажите, вы там были? Вы видели это своими глазами?

– Конечно! – обижался он. – Я же говорю: приехал в субботу, а перед этим в пятницу...

– Что именно вы видели? – не отступал я. – Конкретно!

Он раскрывал блокнот, цеплял очки и читал, поглядывая на меня на этот раз уже поверх стекла:

– Партийная организация города, возглавляемая городским комитетом партии, грудью встала на защиту городского населения.

Я только диву давался – ведь он записывал это, расхаживая по

искалеченным улицам, слыша подземный гул человеческого несчастья!..

Что мне было с ним делать? Когда удавалось навести его на разговор о том, что в действительности происходило в разрушенном городе, Агзам вдруг осекался, с недовольным вздохом закрывал блокнот и хмурился. Было похоже, что беседы на подобные темы он рассматривает как чистую потерю времени или на худой конец законный перерыв в напряженной и плодотворной работе.

Отчасти благодаря моей настырности, отчасти же тому, что ровно в тринадцать ноль-ноль нас приглашали в другую комнату, где был накрыт стол, а после двухсот граммов холодной хуррамабадской водки рассказы Агзама о его поездке несколько очеловечивались, мне удалось вытянуть из него небольшую толику живых подробностей.

В воскресенье мы с ним отобедали в последний раз. На первое был подан суп из черной травы – сиё-алаф, на второе – пряная баранина, запеченная в тесте. Пошатываясь в прихожей, мы долго жали друг другу руки. «Замечательная статья! – говорил я. – Замечательный будет перевод!» Агзам смущенно отмахивался: «А, подумаешь! Публицистика!.. Видишь, а ты говоришь – пасрочник-масрочник! Кому он нужен, пасрочник-масрочник!.. ”

На следующий день он отбывал в Ташкент, в мои же задачи входило в трехдневный срок создать текст и немедля представить его в редакцию журнала «Памиро-Алай”.

* * *

Скажу без ложной скромности: я его создал.

Эпизоды довольно ловко прилепились один к другому. Мысль в эту композицию, как в «Войну и мир”, была вложена истинно народная – Агзам мельком упомянул, что заезжал в кишлак к родственникам, и в этом кишлаке дома, построенные по новомодной технологии, то есть богато украшенные резным ганчем¹ и деревом, но не имеющие в глинобитных стенах вперекрест заложенных каркасных балок, сильно порушились, и еще счастье, что никто не пострадал. Старые же дома, созданные

по заветам предков, остались стоять как ни в чем не бывало – только кое-где повыпадали глиняные сегменты из промежутков между бревнами. Это свидетельствовало о том, что народная культура способна уберечь человека от многих несчастий. Конец очерка представлялся мне оптимистичным: автор уезжает из разрушенного города, сердце его полно скорби, но тут он видит нечто такое, что позволяет ему утвердиться в мысли, что жизнь продолжается, народ непобедим, а стихия преходяща. Но вот что именно?

Может быть, пришло мне в голову, он видит играющих детей? Дети снова играют – значит, несчастье позади. А играют они в какую-то такую чисто народную, национальную игру... Но какую?

Я стал вспоминать свое хуррамабадское детство – и ничего не вспомнил.

У нас все игры были русские. Прятки, казаки-разбойники. Еще «клёк» – что-то вроде городков... Из таджикских – пожалуй, только лянга (да и то есть русский аналог под названием чеканка). Небольшой квадратик бараньей шкуры с пришитой к нему свинцовой бляшкой раз за разом подбивают внутренней стороной стопы, не позволяя упасть на землю и выполняя те или иные фигуры – простяшки, пары, виси, люры...

Не знаю почему, но эта игра считалась бандитской. Вдобавок если нужно было кого-нибудь обидеть, следовало непререкаемо заявить, что его бабка в лянгу играет.

В общем, я решил навести справки.

* * *

Мой друг Зиё тоже был поэтом, но вдобавок еще и членом Союза писателей. В ту пору он работал в аппарате Союза – в отделе пропаганды. В его обязанность входило трезвонить на предприятия города и в близлежащие колхозы в попытках организовать выезд писателей на поля и заводы. Иногда ему это удавалось. Организаторская деятельность оставляла ему довольно много времени для основного занятия – поэзии. Зайдя к нему в кабинет, всегда можно было обнаружить пару-другую таких же молодых поэтов. Они сидели вокруг стола, пили чай и говорили о

стихах.

Так было и на этот раз.

– О-о-о! – протяжно воскликнул Зиё, поднялся из-за стола и пошел на меня, раскрыв объятия. – О-о-о-о-о!..

Мы троекратно поцеловались.

– Нагз-ми? – говорил я, пожимая руки всем по очереди. – Чхел? Тинч-ми? Сихат-саломат?..

– Как жизнь? – спрашивал Зиё. – Все в порядке? Как дома? Все благополучно? Все о'кей?

– Все нормально, – сказал я. – Перевел эту дурацкую статью. Только конец никак не могу перевести. Там, видишь ли, по моему замыслу дети должны играть в какую-нибудь национальную игру. Понимаешь? А я не знаю – в какую именно. Какие бывают таджикские игры?

– А как в оригинале-то? – поинтересовался Рахмат.

– Э! – я махнул рукой. – В оригинале! Если бы я знал, как в оригинале!

Я рассказал им про оригинал.

– Понятно... – протянул еще один поэт – Низом. Он обвел нас веселым взглядом и сказал: – Мумкин, рахгатон?

И первый же прыснул.

С «мумкин» было понятно – «может быть».

Зиё смущенно хохотал, сконфуженно закрывая рот ладонью. Узкоглазый, тюркского обличья Низом трясся, утирая слезы.

– Что такое рахгатон? – спросил я.

Зиё никогда не мог никого обмануть.

– Понимаешь, – сказал он и беспомощно оглянулся на приятелей. Те продолжали посмеиваться, но было заметно, что им неловко. – Понимаешь, это такая игра... ну, не игра, а... развлечение... это когда дети... не маленькие дети, а большие такие дети... – он неопределенно помахал рукой, – э-э-э... подростки... берут ослицу... и... понимаешь?

– Понимаю, – хмуро сказал я. – Хорошая игра. Особенно после землетрясения.

– Ну, не обижайся, – сказал Зиё, протягивая мне пиалу свежего чая. – Низом пошутил.

– Мумкин, чормагзбози? – предположил Низом, извинительно

пожимая плечами. – Может быть, а?

– Чормагзбози! – обрадовался Зиё. – Это... как это?.. это игра в орехи! Это знаешь, как играют? Значит, смотри! Проводят вот так на земле линию... – Он вскочил и прочертил по полу носком ботинка. – Так? Все ставят по одному ореху... на эту линию... так?.. И потом...

– На какую линию! – закричал Рахмат, тоже вскакивая. – Нет, не так! Линию никакую не проводят, а орехи кладут... – Он щелкнул пальцами и спросил, оборачиваясь к Зиё: – Тупаланг – как это?

– В кучку, – сказал Зиё. – Только у нас ставят на линию...

– А у нас по четыре штуки! – вмешался Низом.

– Э! – возмутился Зиё, потряс сведенными в щепоть пальцами и перешел на таджикский: – Фикр кун, чи мегуи! Думай, что говоришь!..

Они долго выясняли правила игры чормагзбози; я переводил взгляд с одного на другого, пытаюсь понять хоть что-нибудь; от них веером, будто брызги, разлетались неизвестные мне слова: сакача, чорпай, думби сар...

– О-о-о-о-о-ой, – сказал Зиё, садясь за стол и хватаясь за голову. – Понимаешь, у нас везде по-разному играют... Низом из Гарма – там у них, видишь, в кучку кладут. А Рахмат с юга – у них там, видишь, по-другому... Вообще, я не понимаю, как они там в чормагзбози играют! – Он безнадежно махнул рукой. – А этот Агзам – он откуда?

– Агзам – он, кажется, колхозабадский, – сказал Рахмат. – Кто у нас еще колхозабадский?

– Нуриджон Сафои – тоже колхозабадский! – победно воскликнул Низом.

Я перевел взгляд на Зиё. Зиё молчал.

– Как-то неудобно, – сказал он в конце концов. – Нуриджон Сафои – устод... мастер... Неловко с такими пустяками... Он, конечно, знает все об их колхозабадских играх, но... – Он вздохнул. – Ладно, давай попробуем.

* * *

Зиё аккуратно постучал, приоткрыл дверь и просунул голову.

– Бьё, бьё! – услышал я голос устода Нуридждона Сафои. – Заходите!

Мы стеснительно протиснулись в большой светлый кабинет.

За огромным столом, заваленным кипами газет, книгами и тетрадами, сидели два пожилых человека – один розовощекий и седой как лунь, другой худощавый, в очках, то и дело подносящий ко рту кулак, чтобы легонько покашлять.

Зиё уважительно прижал ладони к груди и начал речь. Время от времени он поворачивался и указывал на меня пальцем. Я в эти моменты кивал. Нельзя сказать, что я не понимал ни слова. Кое-что мне удавалось уловить – тарджумон... аз Маскав... рисола... чормагзбози... Все так и есть: переводчик из Москвы, статья, игра в орехи...

Речь его лилась плавным потоком, и когда завершилась, я остался в уверенности, что ему удалось описать ситуацию исчерпывающим образом.

Седоволосый покачал головой и открыл рот. Как и Зиё, он говорил очень напевно, изредка покачивая в такт словам пухлой ладонью. Второй устод, сидевший возле, время от времени кивал, подтверждая слова первого. Кивал и Зиё. На его лице было выражение заинтересованности. Я тоже иногда кивал – так, для приличия.

Время шло, седовласый все говорил и говорил. Уже на пятой минуте я смотрел на него не только с уважением, но и с завистью.

Черт возьми! – думал я, прислушиваясь к непонятному мне воркованию. Столько всего знать о национальных таджикских играх! Да это же просто энциклопедия, а не человек! Интересно, он толкует об одной только чормагзбози или вспомнил какие-то другие? Как подробно он о них рассказывает! Честно говоря, было странно представить, что когда-то этот седой, полный и склеротично розовощекий человек был ребенком, способным предаваться национальной игре чормагзбози. Однако приходилось признать, что он является крупнейшим специалистом в этой области, – речь его все журчала и журчала...

Выражение физиономии Зиё давно уже свидетельствовало, что он слушает устода не просто с интересом, а с несказанным

вниманием, с жадной страстью ловя на лету каждое слово. Я пожалел, что он не взял с собой листка бумаги: было очевидно, что запомнить все ему явно не под силу. Второй устод тоже кивал, а я с восхищением переводил взгляд с одного на другого. – Тамом, – в конце концов сказал седовласый устод и сделал рукой такой жест, словно мы были птицами, и он выпускал нас на волю.

Это слово я давно знал – конец!

– Ташаккур, – бормотал Зиё с мелкими полупоклонами. Он снова прижал ладони к груди и в таком виде пятился к двери. – Бисёр ташаккур, муаллим! Спасибо! Огромное спасибо, учитель!

Мы оказались в коридоре, закрыли дверь, и тогда я спросил, сгорая от нетерпения:

– Ну?! Что сказал?

Зиё обхватил голову руками и стал стонать, пошатываясь, как перед припадком.

– Ты чего? – тормошил его я. – Что он сказал-то? В линию или кучкой?

– О-о-о-о-о-о, господи!.. О-о-о-о-о, боже мой!.. Нет, я не могу!.. Что сказал! Ты спрашиваешь, что он сказал?! О-о-о-о-о-о!.. Я скажу тебе, что он сказал! Он сказал, что нужно подождать возвращения глубокоуважаемого автора, чтобы тот сам сообщил тебе правила игры! Понял?.. О-о-о-о-о-о!..

И снова зашатался.

– Ну и что же тогда мне написать? – растерянно спросил я.

Зиё не ответил, и в конце концов я остановился на том, что дети играли в камушки.

---

[1] Ганч – разновидность алебаstra, применяемая для отделочных работ.

Об авторе: АНДРЕЙ ВОЛОС

Родился в столице Таджикистана Душанбе в семье геолога. После окончания школы поступил в Московский институт нефти и газа.

Его литературный дебют – публикация подборки стихотворений – состоялся в 1979 году в журнале «Памир». Долгое время Андрей Волос писал стихи, переводил на русский язык таджикскую поэзию. В 1986 году Волос дебютировал как прозаик, напечатав в журнале первый рассказ, а уже через три года вышла его прозаическая книга – сборник рассказов и повестей.

Публикуется в журналах «Новый мир» (в котором состоит и членом общественного совета), «Дружба народов», «Знамя»... Книга «Хуррамабад», получила несколько премий, в том числе, и Государственную. Премии журналов «Крестьянка», «Знамя» (1996), «Новый мир» (2001). Лауреат международной литературной премии «Москва-Пенне» (1998). Лауреат Государственной премии Российской Федерации (2000) за роман «Хуррамабад». Финалист премии «Большая книга» за 2006 год (роман «Аниматор») и 2013 год (роман «Возвращение в Панджруд»). Русский Букер 2013 и Студенческий Букер 2013 (роман «Возвращение в Панджруд») Некаӯалар